

ВИКТОРИЯ САГДИЕВА



КАЙЗЕР

1

Лёша ёрзал на стальном стуле в приёмном покое психиатрической больницы. Всё его молодое тело так и зудело от навязчивого желания вскочить и бежать. Пару раз он даже невольно подсакивал, но здоровый санитар за его спиной клал тяжёлую руку ему на плечо и припечатывал Лёшу обратно к стулу.

Наконец появился врач. Он вяло окинул взглядом прибывших. У врача с утра ныли руки, их буквально выворачивало от боли. Мягко говоря, он был не в настроении:

— Докладывайте, Марья Ивановна, — нехотя обратился он к воспитательнице детского дома, приехавшей на “скорой” вместе со своим подопечным. В больнице все её давно знали. Марья Ивановна поставляла детей в психушку с завидной регулярностью.

Воспитательница охотно начала:

— Кайзер Алексей. Шестнадцать лет. Из неблагополучной семьи. Отец не жил с ними. Мать умерла год назад в ДТП. Опекун оформила на себя бабушка. После смерти матери стал плохо учиться, был оставлен на второй год. Имел привод в ПДН. Бабушка лишена опеки, так как не справлялась с ребёнком. В детский дом попал в прошлый понедельник. За эту неделю конфликтовал с персоналом, пытался сбежать, разбил окно. Для госпитализации была вызвана бригада “скорой помощи”. Ребёнок вёл

САГДИЕВА Виктория Сергеевна окончила Кемеровскую государственную медицинскую академию, автор книги “Дышать акварелью”, публиковалась в журналах “Сибирские огни”, “Огни Кузбасса”, лауреат премии “Новое Кузбасское слово” 2018 года. Копирайтер. Живёт в Кемерово.

себя неадекватно — матерился, дрался. Ввиду девиантного поведения Алексея просим вас поставить его на учёт и назначить ему лечение.

Подслеповатый врач снял очки и неспешно повернул дужки. Ему хотелось хоть что-то делать руками, не дававшими ему в этот день ни минуты покоя. Сжав очки в кулаке, он откашлялся и попросил медсестру, глядя на безухого Ван Гога за её спиной:

— Сопроводите Кайзера в детское отделение.

Так судьба Лёши была решена. Его увели по внутренним коридорам больницы к месту нового заточения. Бригада “скорой” погрузилась в машину, чтобы ехать на очередной вызов. А Марья Ивановна звонила в детский дом, ей не терпелось поделиться с коллегами радостной вестью.

2

В Лёше, казалось, кипела молодость. Его отличала хорошо сложенная фигура и большая подвижность. Но тем больше они шли вразрез с его болезненно твёрдым и серьёзным лицом. Такие лица бывают только у ребят, живущих за чертой, но не начавших пить и колотья, а с неодурманенной головой день за днём осознающих всю тяжесть своего положения.

Кайзер застыл перед туалетом в коридоре детского отделения. В глазах вопрос: “Неужели то, что я вижу — правда?”

К вечеру Лёша обвыкся с новым положением. И после ужина он рассказывал мальчишкам в палате о своих злоключениях.

— Лучше бы я встретился с огнедышащим драконом, чем с этими из опеки.

Ребята сидели на своих кроватях, не включая свет. Они глядели в освещённый больничный коридор, точно оттуда должно было приползти чудовище, которое их спасёт. Спасения от людей они уже давно перестали ждать.

Рыжий не любил тяжёлые разговоры. Он сам ждал назначения в дом инвалидов — место смерти. Место, ниже которого живым невозможно упасть. Из-за врождённой болезни в свои шестнадцать лет Рыжий выглядел, как десятилетка. Он спросил Лёшу:

— Прозвище-то у тебя какое-нибудь есть?

— Кайзер.

Все расхохотались над глупостью новичка.

— Фамилия не подходит, — просмеявшись, первым сказал Дылда.

— Но она переводится как Цезарь, — объяснил Лёша.

— Цезарь — это что? — уточнил Рыжий.

— Так раньше правителей называли в древности. А в Германии — королей. Кайзер Вильгельм, например.

— Ты ботан, в натуре, — восхищённо протянул Рыжий, мало что понявший из объяснения Лёши. Дылда и Фунтик захотали.

— Я Кайзер, а не ботан! — твёрдо сказал Лёша.

— Ладно, как хошь, — согласился Рыжий.

3

— Кайзер, в процедурный, — разбудил ребят крик медсестры.

— Ну что, Кайзер, готовь булки, — проворчал Рыжий из-под одеяла.

— Укол? А что ставят? Витамины? — встревожился Лёша, чувствуя, как у него внутри всё болезненно сжалось.

— Витамины, скажешь тоже, — фыркнул Фунтик. Его даже взбесила Лёшина наивность. Он-то лежал в больнице дольше всех, и был осведомлён в тонкостях больничной терапии. — Галоперидол тут всем хреначат.

Фунтик был миловидным розовощёким парнишкой типичной славянской внешности. К своим двенадцати годам он успел побывать в пяти приёмных семьях. Опекунов подкупала приятная наружность. Но ни одна семья не выдержала с ним и полугода. У Фунтика часто случались острые психические срывы. В такие моменты он катался по полу, хаотично загребал ногами и руками и орал до хрипоты. Приступы возникали без видимых причин и жутко

путали приёмных родителей. Особенно когда он падал и начинал вопить посреди дороги или внезапно проснувшись глубокой ночью.

— Кайзер, в процедурный! — повторился призывный крик медсестры. Лёша понуро поплёлся в кабинет.

Наталья Владимировна была совсем молоденькой, только что закончившей колледж медсестрой. Когда Лёша зашёл, она набирала шприц.

— Спускай штаны, — скомандовала она своим звонким — больше детским, чем взрослым — голосом. Ему показалось неловким оголяться перед этой хрупкой медсестричкой. Лёша воспринимал её как свою сверстницу и жутко стеснялся.

— Кайзер, мне с тебя штаны снимать, что ли? — обиженно повторила медсестра. Лёша густо покраснел и сдёрнул их вниз.

Кроме распирающей боли в ягодице лекарство вызывало в нём смешанное непонятное чувство. Лёша ощущал, что становится тяжёлым и неповоротливым, точно мешок с картошкой. И в то же время в голове начинала кружиться какая-то звенящая карусель.

— Прижми ватку, — говорила Наталья Владимировна. Он смотрел на её губы. Странно было видеть, что её голос звучал отдельно, несвязанно с движениями рта. Голос, казалось, звенел в воздухе и заполнял собой весь процедурный, всю больницу и даже больше больницы — как кузнечики летом пронизывают звоном пространство до самого неба. Лёша хотел ей что-то сказать, но сумел только открыть рот.

— Кайзер, тебе плохо? Кайзер! — медсестра начала понимать, что с ребёнком что-то не так. В её глазах появилась тревога. Словно через тысячу комнат он почувствовал её прикосновение к плечу.

— Вы красивая, — едва выговорил он и тяжело бухнулся, потеряв сознание.

4

Резкий запах нашатырки привёл Лёшу в чувство.

— Очухался ваш больной. Дайте ему отлежаться, — говорила старшая медсестра Елена Давыдовна, успевшая спуститься со второго этажа. Она предпочитала дежурить у девочек, а не у пацанов, и уже мечтала о приближающейся пенсии — заветном времени покоя. От ежедневных воплей чужих детей Елена Давыдовна обросла толстой кожей равнодушия. Постоянные головные боли укрепили её в мысли, что лучше было бы всю эту бездомную мелюзгу усыпить, чем содержать в госучреждениях. Впрочем, Елене Давыдовне хватало ума этой мыслью ни с кем не делиться.

— Обхвати меня за плечи. Я тебе встать помогу, — сказала Наталья Владимировна, стоя на коленях и склонившись над Лёшей. Так что, если бы не галоперидол, он мог бы назвать эту сцену самой романтической в своей непростой жизни.

— Ты как? Жив? — наконец, спросила она Кайзера.

— Да вроде... Что это было?

— Елена Давыдовна говорит, что это побочный эффект от лекарства. Такое часто бывает, когда препарат только что назначили.

— А потом привыкают, да? Привычка — страшная вещь! — попытался пошутить Лёша, ещё слабо ворочая языком.

Они дошли до кровати Лёши, и он сразу завалился на койку. Остальные ребята находились в игровой комнате. Днём их туда часто сгоняли со всех палат, чтобы санитаркам и медсестре было легче за ними следить.

— А ты не похож на дурака, — сказала Наталья Владимировна, засунув руки в карманы халата и задумчиво глядя на Лёшу.

— Я и не дурак, — заметил он.

— Ладно, отлежишься — приходи в игровую.

— Наталья Владимировна, мне шестнадцать лет. Что мне делать в вашей игровой? Разве что с ума сходить. Я лучше здесь до обеда полежу.

— Как хочешь, — сказала Наталья Владимировна и поспешила выйти из палаты.

За окном живая занавеска дождя шумела и колыхалась холодными рыбными бликами. “В такую погоду драконы предпочитают отсиживаться у себя в пещерах и не мокнуть”, — подумал Лёша перед тем, как провалиться в отупляюще-тяжёлый сон с примесью нейролентика.

5

Наталья Владимировна работала в психиатрической лечебнице лишь вторую неделю, но у неё уже накопилось много вопросов к организации досуга детей — к постоянному сидению в игровой комнате и отсутствию прогулок. На второй день Наталья Владимировна хотела повести ребят на улицу. Как это и было предписано режимом отделения, висевшим на доске информации у входа, который гордо оповещал родственников (а больше тётечек из разных надзорных органов), что дети ежедневно гуляют с 14.30 до 16.00. Санитарки разворчались и сказали, что никто такого давно не практикует. Дети разбегутся, с персонала снимут премии, а зарплата и так маленькая. “Наталья Владимировна, вам что, больше нечем заняться?”

Наталья Владимировна по наивности отправилась к заведующей просить разрешения на прогулку. Даже заявление написала, что детям, месяцами запертым в отделении, нужен свежий воздух. Но и заведующая посмотрела на неё, как на дуру:

— Наталья Владимировна, вы молодая, неопытная. Я вам советую не менять сложившиеся уставы, проверенные годами. Ну, зачем отделению такие проблемы? А если кто-нибудь сбежит? Нам потом встрётку главврач устроит. Давайте не будем рубить сплеча и оставим всё, как есть.

Теперь Наталья Владимировна читала в истории Кайзера:

“Диагноз: психопатия декомпенсированная.

Лечение: галоперидол 1 раз утром внутримышечно...”

Что она могла сделать?

6

Наталья Владимировна ждала в сестринской старшую сестру. Их смена кончилась, и они могли уходить. По телевизору начинался какой-то безумный артхаусный фильм. Развалины замка соседствовали со скотным двором, а голос за кадром заунывно вещал: “Это самое убогое королевство, где ночи такие же чёрные и безнадежные, как выключенный телевизор”. Наталья Владимировна поморщилась. Она знала, что самое убогое королевство есть в любом городе, где-то на окраине за пустырьём. Ведь теперь она работала в этом королевстве с восьми утра до пяти вечера пять дней в неделю.

Психиатрическая лечебница вместе с тубдиспансером и моргом находилась на самом отшибе. Между мирами города и больничного городка пролегал пустырь. Он как некая пограничная зона скрывал всё самое неприятное от глаз горожан. Ходить по пустырю в одиночестве даже днём считалось рискованной идеей. Тропа плохая, рытвины с грязью не просыхали даже в самую сухую погоду. Чертополох в человеческий рост оставлял на одежде колочки. Их, словно пропускные талоны, приносили по утрам медицинские работники в свои отделения. Только для “скорых” проходила нормальная асфальтированная дорога к главному корпусу больницы. Ближайшая же автобусная остановка находилась в городе, и к ней приходилось пробираться, пролезая через дырку в ограде на задворках психдиспансера и далее через пустырь.

— Елена Давыдовна, вы считаете Кайзера психом? — спросила вечером Наталья Владимировна старшую медсестру, шагая с ней через буераки на остановку.

— Это не мне решать, — попыталась та уклониться от ответа.

— Вы же читали его историю? Парень связался с плохой компанией и скатился по учёбе после смерти матери. А тут ещё и бабушку опеки лишили. Он же к ней сбежать хотел, вот окно и разбил. Ему помощь психолога нужна!

— Наталья Владимировна, голубушка! Если всем детям позволять себя вести, как Кайзер, и к психологам отправлять, то они детский дом за неделю развалят. Все окна и двери повышибают, обои обдерут — камня на камне не оставят. Без дисциплины с ними не справишься!

— Вы правы, — попыталась как можно спокойнее ответить Наталья Владимировна. — Разбитые окна — это ужасно. Такое нельзя спускать.

— Вот-вот, я и говорю, — одобрительно закивала Елена Давыдовна. Так вместе дошли они до остановки.

7

Вечером в отделении мальчиков было шумно, как никогда. Второй этаж ожидал капитальный ремонт, и девочки должны были перебраться на первый. Всех парней укомплектовывали в пяти палатах вправо по коридору от игровой комнаты. Левую половину оставляли для девочек. К Рыжему, Дылде, Фунтику и Кайзеру подселась малышня из восьмой палаты. Старших заставили передвигать им кровати и помогать обустраиваться на новом месте.

— Шпана какая. Я в няньки не нанимался, — бурчал недовольно Рыжий, нёсший пакет пацана лет семи, который плёлся следом за ним.

В отделении мальчики старшего возраста с развитой психикой, малышня же страдала выраженной умственной отсталостью и другими грубыми нарушениями. Болезни срубали их с самого раннего возраста, не дав возможности развиваться. Теперь палата разделилась на две половины — старших мальчиков и ссыкунов, как прозвал их Дылда. По четыре койки у стен с обеих сторон от входа стояли так тесно, что Кайзеру казалось, что он сидит с Фунтиком и Рыжим на одной койке. Ссыкуны не подкачали — почти сразу неказистый косоглазый мальчишка с вечно открытым ртом сел на свою кровать и сделал лужу.

— Вот чёрт, — завопил Рыжий, который только что заправил кровать этому олигофрену. — Ты надо мной издеваешься? Я же только что тебе всё сделал, ссыкун!

Ссыкун надолго расхохотался очень скрипучим неприятным смехом.

— Лучше бы он молчал, — заметил Фунтик.

Рыжий сплюнул от злости на пол, растёр харчок ногой и пошёл за санитаркой. Через пять минут он вернулся с новым постельным комплектом в руках.

— Суки толстожопые, — ругнулся Рыжий. Этот выкрик относился к санитаркам, попросившим его перестелить постель, а зассанное бельё отнести в санитарную комнату. Ссыкун, весь в мокром, по-прежнему сидел на кровати и продолжал скрипеть своим неприятным смехом.

— Ещё и штаны переодеть сказали, — кипятился Рыжий, роясь в пакете пацана в поисках сухого белья.

Глядя на красного от злости Рыжего, сидящего на корточках с вещевым мешком и не прекращающего бубнить проклятия в адрес санитарок и своего подопечного, Кайзер не выдержал и начал хохотать, за ним засмеялся и Фунтик. Их громкий нервный хохот имел мало общего со смехом радости. Но, к счастью, они этого не понимали.

— Чё ржёте, бараны?! — бурчал Рыжий, пытаясь натянуть на ногу пацана штанину, которая в его неумелых руках никак не хотела налазить.

— Не смешно, — вдруг подал голос забившийся в самый угол кровати у окна новичок лет восьми.

Дылда покосился на него недоброжелательно. В резко наступившей тишине даже ссыкун перестал смеяться. Зловеще прозвучал голос Дылды:

— Ишь, кто заговорил! Ты ещё и говорить умеешь?

— Я не дурак, конечно, умею, — пытаясь говорить смелее, подал голос пацан.

Дылда был рослым парнем. В гневе неуправляем. Его нос свёрнут на бок, как утверждал сам Дылда, в результате драки с ментами. Руки украшали порезы от бритвы, а на плече даже имелась татуировка в виде скорпиона. Как говорила про него Елена Давыдовна: “Денис тот ещё экземпляр”.

Дылда закатал рукава водолазки и подсел на кровать новичка.

— Не дурак, значит. А с чем лежишь тогда?

— Эпилепсия, — уже намного тише ответил парнишка.

— Чем? Говори громче, я не услышал! — потребовал Дылда.

— Эпилепсия, — визгливо выкрикнул новичок.

— Да оставь ты... — попытался вмешаться Кайзер.

— Не лезь, — оборвал его разошедшийся Денис.

— Приступы, значит, у тебя. Колотит тебя. Так? — продолжил он допрос.

— Так, — грустно повторил испуганный мальчуган.

И тут Дылда резко бросился в сторону эпилептика, громко рявкнув и оскалив жёлтые кривые зубы. Это было так неожиданно, что наблюдавшие за сценой Кайзер и Фунтик вздрогнули. Пацан упал с койки, его начало колотить.

— Надо же, не соврал, — ехидно сказал Дылда и отошёл. Кайзер побелел от страха, он впервые видел эпилептический приступ. Но времени обдумывать свои переживания у него не было. Он ломанулся в коридор в сторону сестринской с криком: “Помогите. Помогите!”

— Что орёшь? — показала из кабинета недовольная медсестра.

— Пацана колотит, — всё, что смог выдать из себя Лёша.

Ночью, лёжа на кроватях, парни слышали, как санитарки обсуждали, что сыкуна увезли в реанимацию. Его по-прежнему колотит, и он не приходит в себя. Когда санитарки ушли на ночной чай, ребята всё ещё не спали. Дылда довольно сказал:

— Ну вот, на одного сыкуна меньше.

— О тебе твои родители тоже, наверное, так сказали, когда в детдом отдали, — не сдержался Кайзер. Лёша не успел даже вскочить с кровати, как на него накинудся Дылда и стал лупасить кулаками по лицу. На этот раз заорал Фунтик.

— Опять вторая палата, да что у вас там происходит?! — раздался крик из сестринской.

8

Утром Лёшу поднял знакомый голос:

— Кайзер, в процедурный.

Едва разлепив заплывший от фингала глаз, он подумал: как хорошо, что Дылду перевели в отдельную надзорную палату.

В процедурном Наталья Владимировна как-то поторопилась закрыть за ним дверь. Лёша удивился — казалось, она нервничала. Он подошёл к окну, быстро снял штаны, не дожидаясь команды, и упёрся руками в подоконник, сжав кулаки. Зажмурив глаза, он вспомнил мамин ласковый голос: “Не бойся, комарик укусит. Раз, и всё”. Когда-то в далёком счастливом детстве мама всегда так его успокаивала перед прививками.

И вот Лёша почувствовал, как его укусил комарик — и всё! Лёша не верил себе. Он почувствовал укол, но лекарства Наталья Владимировна ему не ввела. Разве это возможно, что медсестра тыкнула его иглой и не ввела препарат?! Кайзер вопросительно глядел на неё, надевая штаны.

— Я дежурю всю неделю в первую смену. Я буду ставить тебе уколы по утрам.

— Хорошо, — сказал Лёша. Он хотел спросить Наталью Владимировну, почему она не поставила ему галоперидол. Но, кажется, понял это и сам.

— Спасибо, — сказал он, выходя из процедурного.

— Пожалуйста, Лёша, — спокойно ответила она, заполняя какой-то журнал.

Так Лёша понял, что у него появился друг.

9

Подходило время обеда. Из пищеблока, стоявшего рядом с детским корпусом, потянуло тушёной капустой. Лёша, открывший было в палате форточку, поспешил её закрыть. Но поздно — настоящий запах неволи, казалось,

вбедался в палатные стены. Тошнотворная вонь внезапно открыла Лёше правду о психдиспансере. Весь этот лёгкий таблеточный флёр лишь сбивал с толку пациентов и посетителей. Это была газовая камера, в которой воняло тушёной капустой. Из неё нельзя выйти, нельзя кричать, паниковать, просить помощи. Нельзя быть ребёнком. Можно только сидеть в углу и молчать. Надо быть удобным для врачей, медсестёр, санитарок, чтобы бесследно не сгинуть в этой всепоглощающей вони.

Уже к обеду девочки обустроились в отведённых им палатах. В столовой дети сидели все вместе и ждали еды. Рыжий, Фунтик и Кайзер разместились за одним столом. Рыжий наклонился к друзьям и шепнул:

— Видите беленькую с сиськами?

Кайзер и Фунтик закивали. Девушку сложно не заметить. У неё уже была грудь, в отличие от остальных девочек отделения. Её короткие джинсовые шортики красиво подчеркивали небольшую попу. Пожалуй, она была самой привлекательной из девчонок.

— Это Машка — красотка с автострады. Она с моего детдома, постоянно сбегает, шлохается с дальнобойщиками.

— Рыжий, я тебя тоже рада видеть, — подала голос Красотка. — До сих пор сопли ешь? Или бросил?

Раздался общий гогот. Рыжий покраснел. Тем временем Кайзер обратил внимание на девочку лет десяти. Спокойное лицо и не по-детски задумчивые глаза. Она была словно от всего отрешена. Все остальные девочки шумели, вертелись, разглядывали мальчиков. Кайзер захотел во что бы то ни стало с ней поговорить. Она наверняка такая же, как он — засунута в психушку по ошибке и равнодушию взрослых.

Наконец, принесли еду. Санитарка подошла к этой приглянувшейся Кайзеру девочке и стала кормить её супом с ложки. Лёша оторопел, он не хотел верить в то, что девочка с такими удивительными глазами не умеет есть сама. Но санитарка продолжала кормить её куриным супом со звёздочками, приговаривая:

— Ешь, Катерина, ешь.

Девочка вяло проглатывала суп. Она неспешно закрывала рот, так неспешно, что суп успевал вытекать наружу, и на Катин подбородок прилипали разваренные звёздочки.

Прошла неделя пребывания Кайзера в больнице. Всё складывалось удачно, насколько могло в его ситуации. Наталья Владимировна ставила ему пустые уколы. Дылда по-прежнему находился в отдельной палате, из которой он не имел права выходить даже в игровую. Кайзер продолжал наблюдать за Катей. Целыми днями она молча ходила по отделению. Ей единственной разрешалось бродить, где вздумается. Из разговоров санитарок Лёша узнал, что у неё тяжелая умственная отсталость. Но как она была непохожа на других олигофренов отделения! Тонкая, статная, с правильным лицом. Она ходила, будто наступая не на пол, а на воздух над ним. В её задумчивых глазах, казалось, скрыта разгадка её молчания. Даже санитарки звали её не Катей, а Катериной, придавая ей в глазах Лёши ещё более загадочный статус.

10

Игровая была небольшой комнаткой, особенно если учесть, что в неё теперь набивались все дети отделения — 30–40 ребят. Пол застелен сереньким ковровым покрытием, какое экономные хозяйки обычно стелют на кухнях. Главная достопримечательность комнаты — телевизор с DVD-проигрывателем. Детям включали фильмы и мультики на 2–4 часа (время просмотра зависело от доброты дежурившей медсестры). В другие часы они тупо толклись в этой комнате с самыми простыми игрушками и кубиками, походившими на хлам. Драки происходили каждый день. В игровой больше нечем было заняться.

Лёша сидел у телевизора, когда к нему подошла Ира. Она всегда была взлохмаченной и взволнованной:

— Знаешь, мне недавно заливку делали, — говорила доверительным шёпотом Ира, подсев поближе к Лёше. Она с первого дня рассказывала эту историю всем ребятам, даже ссыкунам.

— А что это такое — заливка? — спросил уже осведомленный Лёша, чтобы поддержать разговор.

— Аборт. У меня уже пузо было. А воспитатели сказали, что я дурочка, раз в пятнадцать залетела. Отправили на аборт. Ну, я все бумаги подписала... Представляешь, я его живого видела.

— Правда? — спросил Лёша.

— Да. Мне в пузо ввели какую-то жидкость. А потом укол в руку сделали. После укола ребенок и вывалился. Весь красный, ножками дрыгал.

— Ира, хватит опять мальчикам страшилки рассказывать, — прекратив болтовню по телефону, недовольно крикнула санитарка.

Ира замолчала и отодвинулась от Кайзера. Вдруг противно загудела пожарная тревога. Санитарки засуетились — надо проверить, всё ли в порядке.

— Смотри, что творит! — вдруг раздался визг одной санитарки из дальнего закутка столовой. Ребята, никем не сдерживаемые, кинулись всей толпой на вопль. В столовой пахло дымом. Санитарка хлопала по столу ветхим полотенцем, пытаясь затушить тлеющую кучу салфеток. Рядом стояла Катерина, в руках зелёная зажигалка. Тут уже подросли вторая санитарка и Наталья Владимировна.

— Откуда у неё зажигалка? — удивилась Наталья Владимировна.

— Это моя, — сказала санитарка Лида. — Наверное, обронила.

— Может, она у тебя из кармана украла? — предположила Вера, наконец переставшая бить по столу полотенцем.

— Не может этого быть. Она же совсем отсталая, — возразила Наталья Владимировна. Потом, посмотрев на окруживших её детей, скомандовала твёрдым голосом:

— Дети, в игровую, нечего здесь толпиться!

II

Наталья Владимировна и санитарка Лида стояли на экстренной пятиминутке в кабинете заведующей. Заведующая, женщина крупных размеров, орала, не жалея прокуренного голоса:

— Лидия Пална... теряете свои вещи! А если бы пожар! Сгорели бы тут все на хрен!

— Софья Андреевна, я случайно. Сама не заметила.

— У ребёнка умственная отсталость. Мозгов совсем нет. Чирк-чирк зажигалкой и спалила бы нас.

— Мозгов нет. А поджог устроила. Со всех столов салфетки собрала, скомкала и подожгла, — попыталась оправдать себя Лидия Пална.

— Лидия Пална, не фантазируйте. Катя даже “мама-папа” говорить не умеет. А вы пытаетесь убедить меня в том, что у неё был коварный план — поджечь наше отделение.

Отпив минералки из бутылки, она закончила:

— Всё, идите! И следите лучше за своими вещами!

Тем временем столовую проветрили, со стола вытерли пепел и привезли обед. Катерину с ложки кормила санитарка Вера под пристальными взглядами и шушуканьями со всех сторон. Фунтик тоже не утерпел и шёпотом восхищённо заметил:

— Вот Катька огонь!

— Ага, а говорили, что дурочка, ничего не соображает, — согласился Рыжий.

— Да я б, если мог, тоже эту психушку поджёт, — сказал Фунтик.

Кайзер тоже восхищался Катериной. А в этой убогой обстановке с казарменной дисциплиной особенно хотелось верить в чудо. И в фантазиях Лёши Катя стала принцессой. Принцессой, которая общается с драконами. Её слушается пламя, и в один прекрасный день она освободит узников больницы. Хотя успевший трезво всё взвесить Лёша прекрасно понимал, что бежать ему

некуда. Если он начнёт жить с бабушкой, то к ней очень скоро опять нагрянет опека с полицией и утащат его в детский дом. Но желание побега в лучшую жизнь продолжало расти в нём наперекор реальности.

После обеда дети расходились в кабинеты на занятия. Брели с неохотой, не торопясь, Фунтик прислонился к стене и стал вытрясать резиновый тапок, точно туда попал камешек. После проверки тапка он начал было стягивать носок, чтобы и его проверить на наличие невидимого камешка. Но санитарка подошла всех неторопливых отборной бранью.

Учёба была совмещённая. Кайзер сидел на занятии для детей от 13 до 17 лет. В психушке вели только русский и математику. Обычно времени разжевывать темы разношёрстным ученикам у преподавателей не было, поэтому Лёша справедливо считал, что тратит своё время даром. Учительница раздавала всем задания по математике.

— Кайзер, девятая тема, упражнения 8, 9, 10 и 11. Будут вопросы, подходи.

Лёша записал все упражнения и открыл учебник на странице 84. Он хотел решать задания, но рассеивался и смотрел всё время сквозь учебник, мимо закорючек букв и цифр. Лёшину отстранённость развеяли причитания учительницы:

— Как так можно, — расстраивалась она, подсев к Маше. — Ни одного правильного ответа.

— Ей мозги не нужны, Машка у нас красotka с автострады, — заметил Рыжий.

Маша взглянула на Рыжего с вызовом:

— Может и с автострады, только не тебе зубы показывать. Мясо для дома инвалидов.

— Дети, успокойтесь!.. — начала преподавательница.

Но Маша не хотела успокаиваться:

— Да тебе и сбежать некуда. Так и будешь там жить. А я себе сама и еду, и жильё достаю.

— Это не заработок, — буркнул Рыжий, уже пожалевший о том, что нарвался на неприятный разговор.

— Знаешь способы лучше? Поделись лайфхаком, Рыжий, — фыркнула Маша.

Рыжий не стал отвечать. Способов лучше он не знал.

12

“Галоперидол — антипсихотик, производное бутирофенона”, — читала Наталья Владимировна в справочнике лекарственных препаратов. Применение препарата сулило: рост груди и выделение молока, независимо от пола пациента, аритмию, судороги, падение давления, обмороки, постоянную тряску рук и ног против воли больного. Чтобы справиться с последним явлением, рекомендовалось принимать галоперидол совместно с циклодолом. Циклодол должен был уменьшить тряску, но дополнял побочный “букет”. Подчеркивалось также, что галоперидол давно устарел и относится к грубым нейролептикам, поэтому лучше использовать современные, более мягкие препараты. Но таких препаратов, как хорошо знала Наталья Владимировна, в отделении не было.

Она закрыла справочник и убрала его подальше в недра шкафа. “Укол” Кайзеру был уже поставлен. Утренние таблетки дети получили. Ей надо было сделать раскладку таблеток на обед. У каждого ребёнка имелся свой подписанный стаканчик, куда заранее клали назначенные препараты. Но не успела она закончить раскладку, как противно завывла пожарная сигнализация. “Неужели опять Катерина?” — удивилась Наталья Владимировна и поспешила на поиски причин шума.

Катерина задумчиво стояла в столовой, всё с той же зелёной зажигалкой. На этот раз красиво тлели льняные занавески. Санитарка с Натальей Владимировной ободрали их вместе с гардиной и стали топтать ногами. Дети снова жаллись на входе в столовую и комментировали происходящее.

— Во Катька даёт!
— Ага, прямо супергерой.
— Нашли себе супергероя, — раздался недовольный голос заведующей, перекрывавший сигнализацию. — Она нас чуть к чертям не спалила!

13

После встрёпки, устроенной медперсоналу Софьей Андреевной, решено было следить за Катериной, не спуская глаз. Но держать девочку рядом с остальными детьми... Она привыкла до самого отбоя ходить по коридорам. И теперь, игнорируя санитарок, пыталась вырваться из игровой.

— Куда идёшь? Вернись в комнату, — кричала каждый раз Лидия Пална. Но Катерина не реагировала на крики, и тучная санитарка преграждала ей выход. — Иди обратно в игровую, кому говорят! — продолжала она кричать Катерине, стоявшей, уткнувшись носом в рыхлое тело Лидии Палны.

Когда-то на всех окнах больницы стояли железные решётки. Но потом пожарная инспекция приказала их снять. Детский корпус самого убогого королевства оказался теперь без решёток и даже перестал так откровенно походить на место принудительного заточения. Наглухо закрытые окошки с льяными занавесками и одно открытое окно в туалете на первом этаже...

— Сбежала, сбежала, в окно выпрыгнула, — орала Лидия Пална, облокотившись на подоконник и выглядывая в больничный двор. Но нигде в обозримом пространстве Катерины не было видно. Больница точно сошла с ума. Приехала полиция. Медперсонал бегал по больничной территории, заглядывая под каждый куст. Прочесали и пустырь, но беглянка бесследно исчезла. Дети прилипли к окнам в игровой, с любопытством следя за беготней во дворе.

— А может, и нам с Рыжим сбежать? — тихо спросил Кайзер, подойдя к Наталье Владимировне, единственной оставшейся сторожить детей в отделении.

— Да куда же вы побежите-то, Лёша?

— А не всё ли равно...

Они замолчали. Лёша не отходил от медсестры, от неё веяло жизнью и свободой. Только с бегством Кати он понял, как его угнетает постоянный надзор.

Наталья Владимировна сидела, опустив глаза, её густые ресницы красиво выделялись на молочно-бледном лице. Вдруг медсестра посмотрела на Лёшу:

— Знаешь, я придумала! — прошептала она.

В тот вечер из детского отделения пропали ещё двое — Кайзер Лёша и Чернышенко Ваня, известный детям в отделении по прозвищу Рыжий. На следующий день медсестра Наталья Владимировна подала на увольнение.

14

Наталья Владимировна тряслась с мальчиками в “буханке” по бездорожью алтайского плоскогорья. Они уже давно съехали с автомобильной трассы.

— Ну что, скоро будем! — крикнул водитель. Пассажиры сели в УАЗик в последнем селе, где ещё были электричество и сносные дороги. Сейчас же они находились за чертой цивилизации.

Небольшая бревенчатая деревня, к которой подъезжала машина, вся умещалась в одну улочку. Эта деревня старообрядцев была такой дальней, что даже иностранные туристы, в последние годы привыкшие шастать по алтайским сёлам, сюда не добирались.

Наталья Владимировна хотела пристроить парней к своему дяде Аркадию Косачёву. И теперь она очень волновалась, думая о предстоящей встрече. Если дядя не согласится взять парней к себе, они попадут в безвыходное положение. И вот поездка окончена...

Они подошли к сосновому забору, причудливо размалёванному цветами и птицами. Наталья Владимировна от волнения закусил губу. Лёша был настроен более оптимистично. Он подумал, что за такой весёлой оградой всегда

рады приедем. Когда они вошли в калитку, хозяин дома уже стоял на крыльце.

— Гляди-ка, жена. Наташка нам помощников навезла, — добродушно крикнул Аркадий своей супруге. Косачёвы жили в браке больше двадцати лет и всё это время смешно кликали друг друга “мужем” и “женой”. Навстречу гостям вышла и хозяйка.

— Наташка твоя, что аист — детей нам в подоле притащила, — разглядывая притихших ребят, сказала она, улыбаясь каждой морщинкой. Детей у них с Аркадием не было.

Скоро Наталья Владимировна вернулась в город. А через пару лет новенькие под руководством старожилы отстроили себе домишко. Всё как нельзя лучше, но Кайзеру ещё долго снился сон.

Детское отделение пылает. Языки пламени, будто огненные ладоши, расходятся и схлопываются всё чаще. На звонкие овации пожара отовсюду бегают дети. Все, которым “посчастливилось” за сорок лет существования отделения в нём полежать. Дети водят хоровод вокруг горящего здания, точно пришли к новогодней ёлке, и смеются. Наконец с третьего административного этажа, снеся полстены, вылетает огромный дракон, а на его спине сидит Катерина. Она машет ребятам рукой и кричит:

— Свободны! Вы все свободны!

Её голос слышно долго-долго, пока дракон совсем не скрывается в розовом мареве нового дня, где-то за горизонтом.

Лёша всегда просыпается от этого сна в слезах. К такому нельзя привыкнуть. В потёмках он вытирает глаза и зажигает свечу зелёной зажигалкой.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ “НЕЗАБУДКИ”

1

Попад в горячий цех небольшой кондитерской, Эля сразу поняла, что сюда лучше было бы не попадать. Провалив вступительные экзамены в технарь и не чувствуя тяги к древнейшей профессии, Эля устроилась помощником пекаря.

— Будешь на слоёном тесте.

— Это которое дольше всех катать?

— Точно! Смотрю, ты подкованная деваха, — хохотнула директриса кондитерской “Незабудка”, принимая Элю на работу.

Про зарплату девушке спрашивать было неловко, и она оставила этот вопрос на совести начальства.

“Незабудка” находилась в вытянутом одноэтажном здании. Зарешёченные окна делали кондитерскую похожей на арестантский барак. Постройка располагалась во дворах бывшей швейной фабрики и в прошлом служила подсобкой. Но местный производитель ещё в лихие девяностые не выдержал китайской конкуренции и загнулся. Уже лет тридцать в здании фабрики теснились разные магазинчики — от продуктовых до хозяйственных. Они тоже систематически загибались и сменяли друг друга в бесконечной круговерти товаров и услуг.

Жанна рассматривала молодую помощницу с недовольством. Роль наставницы её не радовала, ведь на Жанне была всястряпня из песочного теста. И учить Элю на место ушедшего в запой пекаря по слойкам ей вовсе не улыбалось.

Объясняла Жанна бойко, не вдаваясь в детали:

— Берёшь мешок муки, тащишь к сеялке. Подставляешь эту посудину, потом в неё хреначишь всё остальное и тащишь посудину вон к той взбивалке. Ну, и всё, тесто готово. Понятно?

— Ну, в общем-то понятно, а в каких пропорциях хреначить-то?

— Чего?

— Ну, мука, вода, яйца, маргарин... сколько брать?

— Ты дома как тесто месишь? Так и тут. Меси по своим ощущениям!

Далее Жанна поспешила скрыться от дотошных вопросов новенькой, выбежав на склад за маргарином.

“Меси по своим ощущениям, меси по своим ощущениям”, — про себя передразнивала Эля наставницу через десять минут, оцупывая печальный итог своей первой попытки. Липкое сырое нечто в посудине явно нуждалось ещё в паре килограммов муки.

Эля во всём была середнячкой: средний рост, средние способности, средняя привлекательность. Она думала, что и дальше пойдёт своим средним путём и на общей волне, за компанию с большинством поступит в какое-нибудь училище.

Но что-то пошло не так. Теперь Эля возвращалась с работы в комнатуху, которую она снимала у престарелой женщины, потихоньку сходящей с ума. Проблемы с родителями сразу после провала экзаменов приняли отчаянный характер, и её попросили съехать. Мать выкинула ей вдогонку даже домашние тапочки, видимо намекая, что в этот дом Элина нога больше не ступит.

2

Помещение кондитерской находилось в аварийном состоянии. Эля это сразу поняла. Как только она зашла в горячий цех, ей захотелось втянуть голову в плечи и надеть каску. Стальная балка под потолком болталась, прикреплённая только одним концом, и, казалось, вот-вот бухнется. Городской ветер, гулявший под крышей цеха, все время покачивал её. “Скрип-скрап-скрап” — будто говорила железяка, примериваясь к Элиной голове.

— Не переживай, не упадет. Она так не первый год болтается, — попыталась успокоить Элю девчушка, прикусом походившая на белку. Но железка точно убеждала Элю в обратном: “Скрип-скрап-скрап...”

Вообще, в кондитерской было много шума:

“Трах-ха-ха... трах-аха”, — словно выкрикивала взбесившаяся сеялка, подпрыгивая на всех четырёх колёсиках.

“Бр-рр... брр-р”, — рычал и трясся в углу холодильник “Минск-15”. Выпущенный в далёкие восьмидесятые, он последние годы всё бился в предсмертных судорогах, но никак не мог издохнуть.

“Кап-кап”, — капало из треснувшей раковины в подставленное ведро.

Когда Эля возвращалась домой после первой смены: “Скрип-скрап-кап-тра-ха-ха-бррр”, — продолжало шуметь в её раскалывающейся от боли голове. Ей хотелось выпить аналгетика. Как вдруг...

— Постой! — услышала она за спиной.

Это была девчонка-пекарь, похожая на белку. В свой первый день Эля так носилась по цеху, что кроме Жанны ни с кем не успела познакомиться.

— Белка, — представилась коллега, протягивая руку в мохнатой варежке.

— Даже так! — не смогла скрыть удивления Эля, пожимая руку мильной пекарши.

— Хорошее прозвище! Я не в обиде, — хмыкнула Белка, смешно сморщив нос, — Парень-то у тебя есть?

После всех свалившихся на неё “радостей жизни” Эля не отличалась общительностью, а манеры Белки её обескураживали.

— Э-э-э... — протянула она, прикидывая, что бы такое сказать, чтобы перевести разговор. Но как назло, ничего не придумывалось.

Наконец Эля ответила с напускным безразличием:

— Нет, парня нет.

— Оно и видно, — хихикнула Белка и, помахав на прощание, повернула во дворы общаг. Эля продолжила путь на остановку. “Скрип-кап-трах-парня нет-ахха-кап”.

Слойки, круассаны, сырны палочки, торт Наполеон, сахарны бантики — всё это разнообразие входило в Элины обязанности. Раскатывать неподатливое тесто вдоль и поперёк, потом складывать пополам и снова раскатывать вдоль и поперёк, и снова складывать и раскатывать приходилось по несколько часов. В то время как другие пекари уже вынимали первые партии изделий из электрических печей, Эля всё ещё катала тесто. Обычные разговоры в горячем цеху повторяли друг друга день за днём.

— Выше нос! Держи профитрольки, — говорила Белка, протягивая Эле небольшой пакет с заварным лакомством.

— Спасибо, Белка! — благодарила Эля, выпуская из рук ставшую ненавистной огромную скалку. — Я на эти слойки смотреть не могу. У меня руки отваливаются.

— Слоёное тесто капризное, как баба. Его раскатывать целыми днями можно. А недокатаешь, пиши пропало, выпечка не поднимется, хоть на помойку выкидывай — брак! — важно замечал Вася, единственный мужчина в цехе.

— Васька, смотрю, ты опять мозгами блещешь, — бурчала Жанна, отряхивая рабочую тунуку от муки.

— Ты бы слушала лучше, что тебе старшие говорят, и впитывала.

— Впитывают только прокладки, а мне своих мозгов хватает, — продолжала огрызаться Жанна. Тут Вася заводился и выдавал своё фирменное:

— Да я, между прочим, “Доширак” ещё в прошлом веке ел, когда тебя на свете не было!

Девчонки сдержанно откашливались в кулак, делая усилие, чтобы не захихикать. Эля сразу поняла, что Вася на роль парня не годится. Во-первых, потому что ему за тридцать и, кажется, далеко за тридцать — так далеко, что может быть даже и за сорок. А во-вторых, у него усы.

В кондитерской работали и охранники, но они харкались, когда курили, и говорили “ёпта”. “Ну что, ёпта! Пошли, ёпта!” — это было даже хуже Васиных усов. Был ещё смазливый женатый охранник Гриша. Но он, как поведала Белка, должен был вернуться из отпуска перед самым Новым годом.

Кроме горячего цеха, в кондитерской было и второе рабочее помещение — царство тортов и пирожных, где обитали важные и разнеженные девочки-кондитеры. Их наманикюрённые пальчики никогда не касались печей. Коржи для тортов делал Вася.

Иногда какая-нибудь кондитерша заходила в горячий цех. Все они раздражали Элю своей неспешностью. Эле, которая с остервенением, в липкой от пота форме раскатывала тесто, казалось, что кондитерши — на одно лицо. Они подходили к Васе и сахарно спрашивали:

— Вася, а скоро коржи будут?

— Да скоро-скоро, — отвечал наспех Вася, не глядя на карамельных девиц. И очередной противень с коржами уходил в раскалённую печь.

На одном из перекуров Эля спросила подругу:

— Какая у них зарплата?

— Ну, они же учёные, после института. Тысяч по двадцать получают, — щурясь от сигаретного дыма, ответила Белка.

— Вот поработаю немного, выучусь и обязательно стану кондитером, — мечтательно выдохнула Эля, снедаемая желанием повысить свою никчёмную квалификацию и из простых рабочих перейти в принцессы кондитерского царства.

— Ты забыла добавить “вот вырасту”. Вот вырасту, выучусь и стану кондитером! Прямо план-пятилетка.

— Ты мне не веришь?

— Верю, что хочешь, но жизнь всё по-своему выворачивает. — Белка уже докурила и не стала ждать подругу. Дверь за ней закрывалась так медленно, как будто железная улитка ползла на тепло.

Эля откатывала слойки уже целую неделю, когда впервые удостоилась стать причастной к тайне... тайне производства пирожного “картошка”.

После обеда в цех зашла кондитер Вера:

— Вася, помогай! “Картошку” готовить будем.

Вера нетерпеливо постукивала ухоженными коготками по Элиному столу. Эля густо покраснела и спрятала в карманы свои обгрызенные ногти. Вася загрохотал самой большой ёмкостью. Стальная дежа на колёсиках разинула всеядную пасть.

— Скидываем отходы. Скидываем отходы! — воззвал Вася к девочкам.

Когда пекарь подхвёл к ней с грохочущим бочонком, Эля замерла, с недоумением разглядывая неприглядное месиво в ёмкости, из которого, как из болота, торчали куски печенья и раскисшие рулеты.

— Ты чё стоишь? Есть что-нибудь ненужное? — недовольно спросил Вася. Ему уже пора было доставать партию готовых коржей.

— Слойки подгорелые, крошка всякая. Но... но... это же не в пирожное? Вася засмеялся:

— Сыпь давай! Слойкой пирожное не испортишь.

В ход пошли даже просроченные торты из морозилки. Всё свалили в одну кучу. Эля, как замороженная, следовала за Васей с его бочонком.

— Но там же арахис. А в этом торте чернослив. Разве это подходит? — шёпотом спрашивала Эля у Веры, также сопровождавшей процессию.

— Для “картошки” всё пойдет, что по сусекам наскребли, — сострила кондитерша.

Наконец, огромный тестомес смешал всё в однородную массу. Вера щедро насыпала в неё какао и сбрызнула ароматизатором рома.

Пирожные пошли пекарям в нагрузку. Кусок картошечной массы возвышался и на Элином столе. Она катала небольшие “сардельки” и укладывала их в коробку по 8 штук. А дальше кондитеры выдавливали на пирожные белоснежный крем.

Эля поняла, что навсегда разлюбила лакомство детства. Пирожное из отбросов — чёртов колобок, а не кондитерская сладость.

5

Всё самое худшее началось, когда в цехе сломалась сеялка для муки. Теперь, как Эля ни налегала на скалку, её выпечка не подымалась. Выходил брак!

— Когда же её уже починят? — спросила она у Васи.

— Вроде не собираются чинить.

— Но без неё у меня ничего не получается!

— Приспособляйся, — равнодушно хмыкнул Вася, напяливая огромные пекарские перчатки. Ему надо было снова лезть в печь за коржами.

Конец Элиной карьере положило получение зарплаты.

— Шесть тысяч. Серьёзно? За месяц работы? — воскликнула Эля прямо в кабинете директрисы. Она же была за бухгалтера и лично раздавала работникам зарплату.

— Эля, ты только пришла. Ты ещё помощник пекаря. А последнюю неделю портишь выпечку в производственных масштабах.

— Это всё из-за сеялки! Тесто не подымается! Почините её! Я же не могу через сито по мешку муки в пятнадцать килограмм перетрясать.

Директриса осталась непреклонной. Она уже надевала свою норковую шубу и явно собиралась уходить. На часах пять вечера.

— Эля, раз ты не можешь делать слойки, так сделай хотя бы снежинки из мастики для украшения тортов. Скоро Новый год. Справишься?

— Конечно! — шмыгнула Эля носом и покинула кабинет, сжимая в руке своё унижение — шесть тысячных кушор.

Мимо Эли пробежала Белка. Она тоже торопилась домой.

— Что, остаёшься? — раздался её удивленный окрик. Не дожидаясь ответа Эли, Белка затараторила из раздевалки: — Не переживай, перед Новым годом всегда так. То одних, то других оставляют.

Уже делая снежинки с помощью формочек и выкладывая их на подносы, Эля увидела, как последние кондитерши неспешно проплывали за окнами

пеха. Даже по их осанке понятно, что они довольны. Ведь они уносили в сумочках по двадцать тысяч каждая. И тут Эля не смогла сдержаться, заревела в голос.

— Что случилось? — удивился Вася. Он колот грецкие орехи — это было его новогодним заданием в нагрузку.

— Я никогда... никогда... не стану кондитером, — сквозь завывания и всхлипы еле выговорила Эля.

— Да, брось! Ещё станешь, — не понимая новенькую, пытался утешить её Вася.

— Нет, не стану! С такой зарплатой я не доживу.

— А-а-а, — протянул Вася, наконец отвлекшись от орехов и подходя к Эле. — Ты же пока только помощник пекаря. Что, шесть тысяч дали?

— Д-дали, — пытаюсь сглотнуть ком обиды в горле, сказала Эля.

— Ничё, пекарем станешь, двенадцать получать будешь.

— А что, на это можно жить?

— Ну, я же живу, — усмехнулся Вася, уже подсаживаясь прямо на Элин рабочий стол.

— Ты её убить хочешь?

— Кого? А... ты про директрису. Кто же не хочет. Я у неё третий год без трудовой работаю.

— Давай её уьем, — предложила Эля. — Мне терять нечего!

— Я, конечно, не пробовал. Но, кажется, я не люблю убивать людей.

— Ну, давай ей отомстим, как-нибудь отомстим... Колобка скатаем!

— Чего? — заржал Вася. — Какого ещё колобка?

— А вот такого! Такого колобка! — оживившись, закричала Эля. На глазах у Васи она сминала вместе только что сделанные снежинки.

— Смотри, Вася! Понимаешь, теперь понимаешь?! — не унимаясь, кричала Эля, которая уже сгребала в одну кучу со снежинками куски нераскатанной мастики. — Что там у тебя? Тащи своё!

— Эля, я не уверен, что стоит! — заметил Вася, пытаюсь загородить собой кастрюлю с лущёным орехом от приближающейся коллеги.

— Стоит, Вася, стоит!

Кусок мастики, несмотря на Васино сопротивление, бухнулся в кастрюлю к орехам.

— Что она нам делает? Да она нас не найдёт даже! В полицию не пожалуется, свою жопу подставлять не станет.

— Пожалуй, не станет, — согласился Вася, не отрывая взгляда от разошедшейся Эли. В отблесках развесёлого сумасшествия и праведного гнева на лице девушки неискущённый в любовных утехх пекарь ошибочно распознал призыв к разнузданной вакханалии. Последнее не могло не поменять в корне Васиный взгляд на заурадную новенькую-растяпу.

— Считай, мы боремся за свои права! — громко провозгласила Эля.

Достав ком из кастрюли, она швырнула его на пол и покатила ногой в сторону морозилки.

— Пошли за тортами, — позвала девушка Васю за собой.

В коридоре колобок будто замер перед сторожем Гришей.

— Вы чего это делаете? — спросил Гриша, подтолкнув кроссовкой серое нечто у своих ног. Он только что заступил на смену после отпуска и, впервые увидев Элю, разглядывал её с опаской.

— По сусекам скребём, по амбарам метём, — выдала новенькая, почувствовавшая себя форвардом, и умело выбила колобок из-под Гришиной ноги “ударом щёчкой”.

— Эй, ребята, вы чего? Я щас директрисе позвоню.

— Не ори, — неожиданно твёрдо сказал Вася, прижимая щуплого Гришу к стенке. — Мы тебя взяли в заложники!

Гриша, и без того хлипкий парень, задрожал от волнения мелкой заячьей дрожью, с ушами выдавая свою трусливую натуру. Он был охранником номинально, но никак не в душе.

— Когда это вы меня взяли в заложники? — спросил он, пытаюсь выкрутиться из Васиных объятий.

— Да вот сейчас и взяли. Элька, свяжем его? — спросил Вася. Лицо его всё шире расплзалось в усатой улыбке. Его очень сместила Гришина возня.

Глядя на Васю сейчас, в неформальной обстановке, Эля подумала, что у него точно две улыбки, одна — своя, а вторая — улыбка усов. Она тоже впервые за день легонько улыбнулась. Всё-таки нелегко улыбаться на празднике непослушания, за шаг до обрыва в неизвестность. Потеря работы и зарплата, которой не хватит даже на неделю — хотелось задвинуть эти мысли куда-нибудь подальше. Спрятать за колобок, за чудовищно-огромный колобок, за которым не видно чудесной пропасти впереди.

— Элька, что с пленником делать будем? — вывел Вася боевую подругу из задумчивости.

— Времени нет с ним возиться. Пусть сидит на складе.

Складом называлась узкая плохо освещённая каморка с бесконечными полками до самого потолка. Здесь хранились красители, консерванты, орехи, сухофрукты, сливки — в общем, всё, что могло пригодиться в кондитерском деле. Но больше всего здесь было глазури. Чёрная, шоколадная, белая — она буквально валилась с полок на головы входящих. Закупали глазурь огромными брусками. В отличие от магазинного шоколада, она твёрже и её сложно грызть. Куски для украшения тортов приходилось отпиливать, а потом разогревать до жидкого состояния. Только в таком виде глазурь становилась съедобной. В цехе пилить глазурь не любили, да и грызть тоже. Поэтому её никогда не подворовывали. Васе идея оставить охранника на складе пришлась по душе. Он даже невольной сочинил скороговорку:

— Гриша, грызлиглаз, — не смог выговорить с первого раза, — Гриша, грызи глазурь!

Гриша, не испытывавший симпатии к начальнице, посчитал, что лучше и правда быть заложником, чем нарваться на смачный фингал.

Тем временем из морозилки полетели первые торты. Ближе всего, сразу на входе, стояли шоколадные. Как отметил про себя Вася, коллега не стала блистать оригинальностью и начала инквизицию над тортами по порядку.

— Эля, а тебе не кажется, что мы с тобой какую-то дичь делаем? — спросил он в открытую дверь.

— Ты бы лучше помог, а не болтал лишнего, — раздалась почти мольба из морозилки.

— Чш-пок, — прошипела лампочка.

— Вот чёрт, в самый неподходящий момент, — застонала Эля в наступивших потёмках. Поняв, что методика выкидывания по одному тарту длительная и энергозатратная, Эля решила набрать сразу гору тортов. В момент, когда лампочка предательски перегорела, она несла к выходу 8 кремово-фруктовых “Великолепий”, поставив их башенкой один на другой.

6

Поспешивший на помощь Вася забыл про порожек.

— Это что, “Фруктовое великолепие”?

— Вася, убери руку с моей груди!

— Эй, ты чего дерёшься? Я тут ни хрена не вижу.

— Зачем дверь закрыл? Чтобы на пол меня повалить?

— Я ничего не закрывал, она сама захлопнулась.

— Отлично, валяемся в морозилке, перепачканные сладостями. Кажется, я ушибла затылок до крови... Этот дурацкий каменный пол, аж искры посыпались.

— Эля, тут лежать не стоит. Давай вставай, я тебе щас помогу.

— Спасибо, ты мне уже помог, — ядовито заметила Эля, лёжа на полу и беспомощно загребая руками. — И вообще, хватит щекотать меня своими усами.

— Эля, не фантазируй, — раздалось сверху у девушки над головой. — Я уже сижу и никого ничем не щекочу! — Вася чиркнул зажигалкой. Слабый свет озарил его лицо. Раздался писк, и тень с длинным хвостом метнулась от Элиной руки в тёмный угол. Девушка завизжала и, забыв про ушиб головы, вылетела из морозилки.

— Ну что ты орёшь! Как будто крыс не видела, — со смехом вышел следом за ней Вася.

— Это первая крыса, которая меня потрогала.

На свету в коридоре Эля крутилась и оглядывала себя.

— Крем, крем, крем, апельсинка, вишенка, — комментировала она увиденное.

— Не хочешь киви? — пошутил Вася, протягивая дохлый, прозрачный ломтик зелёного фрукта.

— Отстань, мне своего фруктового набора хватает, — отмахнулась Эля. Вдруг внимательно осмотрелась кругом. — А где колобок?

— Укатился, наверное, — пожал плечами Вася.

Эле стало тревожно: крысы, перегоревшие лампочки, сотрясение мозга, а теперь ещё и сбежавший колобок. Это слишком! Она быстро направилась на поиски беглеца.

— Колобок, колобочек, — звала дрожащим неуверенным голосом.

— Знаешь... ты вся такая воздушно-кремовая, с вишенкой на плече, зовёшь кусок отходов, в надежде, что он отзовётся, — размышлял Вася, шагая следом за Элей.

— Колобок, колобочек! — продолжала звать Эля, точно не слыша Васю.

— И со мной такого никогда не было, хотя я ел “Доширак”...

— Да, знаю я всё про твой “Доширак”. Не мешай, — прервала влюблённого пекаря Эля. И снова протяжно закликала:

— Колобочек!

— Я тебя хочу облизать и отшлёпать тоже хочу, за всю эту хреноту, в которую ты меня втянула.

— Колобо-о-ок!

Они уже зашли в горячий цех, и Эля на всякий случай вооружилась увесистой скалкой. “Скрип-скрап-скрап”, — раздалось привычное приветствие железяки над головой.

— Давай вместе жить, а? Я, конечно, живу в частном секторе, но домишко ничего, тёплый.

— Кажется, здесь его нет, — выдохнула с облегчением Эля, осмотрев все углы.

И тут со склада послышалось весёлое гиканье. Прямо на Элю с Васей катился заметно подросший колобок, а из-за него слышались одобрительные выкрики Гриши. Теперь колобок приобрёл серо-зелёный окрас и стал под два метра ростом. Его поверхность была испещрена мелкими пузырьками, которые без конца вздувались и лопались. Кислый запах отсыревших дрожжей и деревянных туалетов кружил голову. Казалось, что колобок вот-вот растечётся по полу липким вонючим болотом.

— Гриша, ты охренел... Апчи! Что это такое? — с ужасом спросила Эля, морщась, чихая и прикрывая нос руками.

Обиженный Гриша вышел из-за спины своего “подопечного”.

— Ты разве не этого хотела? “Гриша, грызлиглаз... Гриша, грызлиглаз”. Думали, мне слабо, я не способен на месть? А я, между прочим, пока вы в морозилке уединялись, вам помог слегка. В конце концов, мне тут оставаться тоже не хочется.

— Ты чего в него напихал-то? — наконец спросил Вася, обойдя чудовище.

— Всё, что на складе было.

— Дрожжей ты, Гриша, явно не пожалел.

— Бросьте придирайтесь. Не нравится — засыпьте посыпками, бусинами, кокосом, чем вы там торты украшаете.

— Знаете, я сильно долбанулась головой, и мой пыл угас. Пошли по домам.

— Эх, а я думал, вы что-нибудь серьёзное отождёте. Типа, выложите на колбке послание для директрисы: “Иди на...” или “Иди в...”

— “Грызлиглаз” мы на нём выложим, в память о настоящих героях!

— Не смешно, Вася! — в очередной раз за день Гриша обиделся на грубоватого пекаря.

— Ребята, он зевает! — вдруг прошептала Эля, подойдя поближе к коллегам.

— Эля, ну ты скажешь тоже, — усмехнулся Вася, разглаживая рукой слипшиеся от крема усы.

— Да ты посмотри, посмотри!

Мужчины оглянулись на своё творение. Выемка на “лице” колобка и правда была похожа на открытый рот. Колобок, точно поняв, что речь идёт про него, расплылся в зловещей улыбке и зашёлся мелкой дрожью. Казалось, где-то в его утробе вибрировал проглоченный телефон: “Гр-р-р, гр-р-р”.

— Какого хрена он задумал? — спросил Вася, переходя на горячий шепот и пятясь поближе к стенке.

— Он не зевает. Он нас сожрать хочет! — визгливо, по-бабьи крикнул Гриша, вовремя укрывшийся за сломанной сеялкой от внезапно покотившегося колобка.

— Это всё твои дрожжи, смотри, как его разбарабанило! — зло зашипела на охранника Эля, присевшая на корточки между мешками с мукой. — Если бы этот Грызлиглаз не был такой большой, быстро по жопе бы схлопотал.

— Ты стрелки не переводи. Кто у нас по сусекам скрёб и по амбарам мёл? Кто меня в заложники взял?

Пока ребята переговаривались, колобок с противным утробным урчанием катался по цеху и вжёвывал в себя производственный мусор, мешки с мукой, черпаки и скалки. Наконец, раздавив рабочий стол, он вмял и его в свои бока.

— Может, воздухом подышим? Никому покурить не хочется? — предложил Гриша коллегам, проползая по-пластунски к выходу из цеха.

Эля с Васей идею одобрили и направились следом за охранником.

7

— И что мы с ним делать будем? — спросил Вася, когда они вышли с задворок на главную улицу.

— Мне кажется, что эта проблема теперь не в нашей компетенции, — сделав лицо посерьёзней, ответил Гриша. — Теперь с ним должны разбираться город, Росгвардия, МЧС.

Вдруг за их спинами раздался оглушающий грохот.

— Как будто кондитерская рухнула, — вздрогнув от неожиданности, заметила бывшая помощница пекаря.

Вася заглянул в ворота. Там во дворе и впрямь красовались руины кондитерского цеха “Незабудка”.

— Бежим, Грызлиглаз сюда катит.

Вовремя отскочившая от сваленной ограды троица наблюдала, как монстр покатился по городской улице напрямик в один из спальных районов. Свинцовое, переполненное замёрзшим снегом небо болталось, точно наброшенная беретка, на удаляющемся чудовище. Косые лучи падающих с отчаянным грохотом фонарей выхватывали страх на лицах разбегающихся прохожих. Страх, точно наводнение, накрывал город. Колобок увеличивался в размерах с каждой секундой. От его напора падали, как убитые, дома, рухнуло и старое здание вокзала. Грызлиглаз стремительно удалялся от развалин кондитерской, и ребята уже не слышали криков людей, треска вывороченных деревьев, машин, захлёбывающихся визгом сигнализаций. Их квартал уже накрыла непроницаемая тишина. Теперь вечерняя улица была переполнена людьми, но все точно вмёрзли в асфальт и молча глядели в сторону терпящего бедствие района.

— Вот чёрт лысый! Катится прямо к моей бабке, — угрюмо заметила Эля. Но позвонить старушке-хозяйке и предупредить её о надвигающейся угрозе — на это Эля не чувствовала в себе потенциала. Ведь больше всего после случившегося ей хотелось спать.

— Тогда поехали ко мне, хотя бы отмоемся, — обняв девушку за талию, сделал Вася предложение, от которого сложно было отказаться. Наверное, при других обстоятельствах это предложение прозвучало бы совсем убого и до банальности затёрто. Но в апокалиптических предновогодних сумерках оно было почти королевским.